

Т.М. Яковлева

ИДА ААЛБЕРГ: ШТРИХ К ПОРТРЕТУ

В начале 1930-х годов петербургская художница, собирательница этнографических коллекций Варвара Петровна Шнейдер продала в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) ценные предметы из Китая, Боливии, Турции и с о-ва Ява — 25 раскрашенных литографий из Северной Африки и Мадагаскара. Тогда же в фонд Европы МАЭ поступила приобретенная у В.П. Шнейдер коллекция 4280 — почти 340 открыток из европейских стран: Италии, Австрии, Греции, Болгарии, Чехии, Германии, Бельгии, Нидерландов, Дании, Исландии, Швеции¹. Большинство из них были изданы на рубеже XIX–XX вв. В основном это фотографические открытки с изображением костюмов, праздников и занятий разных народов, также в коллекции широко представлены виды знаменитых памятников архитектуры Рима, Афин, Кельна и других городов Западной Европы. Небольшая серия иллюстрированных почтовых карточек из коллекции В.П. Шнейдер — сцены из Калевалы и народный танец — относится к финнам. И есть среди прочих одна открытка, отличающаяся от всех, не принадлежащая к этнографической или видовой тематике. Это черно-белый фотопортрет, подписанный «*Ida Aalberg*». Адресная сторона открытки чистая, автографа на ней нет, и присутствие ее в коллекции петербургской собирательницы на первый взгляд кажется случайным.

Имя драматической актрисы Иды Аалберг (1857–1915) хорошо известно в Финляндии, в России оно знакомо разве что немногим искусствоведам. Она стояла у истоков финского национального театра, который основал в 1872 г. философ, поэт и драматург, уроженец Выборга Карло Бергбом, мечтающий познакомить с финским драматическим искусством своих соотечественников на родине и за рубежом. Вклад Иды Аалберг в становле-

ние и развитие финского национального театра большинство театроведов и биографов считают весьма значительным, другие — несколько преувеличенным, третьи — вполне заслуженным, но требующим вдумчивого исследования, объективной и непредвзятой оценки². При жизни эта красивая женщина вызывала к себе неоднозначное отношение, но, несомненно, она была незаурядной личностью и талантливой актрисой.

Ида Эмилия Аалберг родилась в маленьком местечке Янаккала 4 декабря 1857 г. в небогатой семье железнодорожного мастера Анти Аалберга. С раннего детства у девочки обнаружили актерские способности, она хорошо декламировала. Ида Аалберг получила начальное образование в школе, потом ей давали частные уроки знакомые родителей. Обладая хорошей памятью, она неплохо овладела немецким и шведским языками. В то время простой финской девушке не приходилось особенно выбирать: ей следовало либо побыстрее выходить замуж, либо устраиваться на службу кем-то вроде секретарши. Ида Аалберг в 16-летнем возрасте впервые почувствовала вкус сцены, выступив на вечере самодеятельности. С этой поры она уже не могла думать ни о чем другом. В 1874 г. неподалеку от Янаккала гастролировал Финский театр. Он произвел на девушку такое огромное впечатление, что она решила сбежать из дома в Хямеенлинна, чтобы присоединиться к труппе. В настоящее время в домике на родине Иды Аалберг открыт музей, посвященный детским годам актрисы (работает в летние месяцы).

В течение трех лет Ида Аалберг играла небольшие роли в разных спектаклях театра Карло Бергбома. Первый успех ей принесла роль Бориски в пьесе «Деревенский негодяй» в 1877 г. После этого она училась актерскому мастерству в Германии, одновременно совершенствуя немецкий язык. Немецкая сцена тех лет была далека от реалистической манеры исполнения, ей был присущ героический пафос, что не могло не отразиться на игре финской актрисы. Однако обучение принесло свои плоды. В начале 1880-х годов Ида Аалберг играет главные роли, комедийные и трагические, в пьесах Шиллера, Ибсена, Киви и других популярных авторов, вырабатывая собственную манеру исполнения, в которой присутствуют и задушевность, и простота, и взрывы эмоций, и возвышенный декламационный стиль, перенятый у немцев. От него актриса полностью никогда не избавится, он станет причиной многих критических высказываний в ее адрес. В 1883 г. она уезжает в Париж, где продолжает обучение сценическому искусству. Некоторые приемы игры Сары Бернар она тоже примеряет на себя, и все вместе рождает неповторимых, полных внутренней силы и откровения ге-

роинь Иды Аалберг. Впоследствии, в каком бы театре и на каком языке она ни исполняла ролей (а играла она за границей много), всюду пьесы с ее участием проходили с аншлагом. В 1894 г., закончив обучение в Париже, актриса выступала в театрах Стокгольма, Осло и Копенгагена. Она успешно исполняла роли на шведском, датском и немецком языках, что свидетельствует об огромном трудолюбии, ведь все тексты ей приходилось учить наизусть. Ее немецкий язык был недостаточно хорош для берлинской сцены, но и там игра актрисы производила хорошее впечатление. И всегда с триумфом проходили гастролы Иды Аалберг в России.

Финский театр поддерживал очень тесные связи с Петербургом с начала своего существования. Его основатель Карло Бергбом прекрасно владел русским языком, дружил с русскими артистами и писателями. Он поощрял посещение своими актерами лучших спектаклей петербургских театров. «Трезвый и честный реализм финского театра» был сродни русской реалистической сцене, эта искренность и простота интонаций, эта «мужицкая» манера исполнения не оставляли равнодушной публику холодного Петербурга³. В 1880-е годы финский театр находится на волне успеха, спектакли проходят при полном зале и встречают одобрительные отзывы в прессе. Карл Бергбом показывает финское драматическое искусство просвещенным финноязычным зрителям Петербурга и знакомит с русской драматургией пока еще немногочисленную театральную публику в Финляндии, постоянно гастролируя⁴. Нора в пьесе Ибсена «Кукольный дом», Мария Стюарт, Офелия, Гретхен, Лео в пьесе Алексиса Киви — далеко не полный перечень ролей, которые исполняла Ида Аалберг в эти годы. И хотя соотечественники критиковали ее за отдаление от родной сцены из-за многочисленных заграничных контрактов, периодически она приезжала в Финляндию, где показывала свои новые работы и играла в старых спектаклях.

В 1887 г. актриса вышла замуж за 35-летнего финского адвоката и политика Лаури Кивекаса. Семейные отношения складывались непросто, к тому же появились проблемы со здоровьем. Лаури Кивекас умер в 1893 г., оставив после себя большие долги. Чтобы рассчитаться с ними, Иде Аалберг пришлось продавать имущество. В это трудное время актриса отправляется в Россию. Она надеется, пользуясь связями подруги, уладить дела с наследством. Во время этой поездки в Петербурге происходит ее знакомство с бароном Александром Иксуль-Гильденбандом. Молодой барон закончил философский факультет в Германии и, продолжая традиции семьи, делал карьеру государственного служащего. До встречи с Идой Аалберг он не интересовался театром, однако увидев пьесы Ибсена, поставленные

с ее участием, был весьма впечатлен. Они изменили его мнение о театре вообще. Почти сразу после знакомства он сделал Иде Аалберг предложение, от которого актриса отказалась. Поначалу она не относилась серьезно к ухаживаниям молодого человека. Александр Иксуль-Гильденбанд был настойчив, в Петербурге он искал встреч с актрисой, караулил ее у отеля «Франсе», где она остановилась, и после ее отъезда в Финляндию не прекращал своих усилий, их отношения быстро развивались. Вскоре с помощью дяди Александра, который дал денег, они отправились в заграничное путешествие⁵.

В 1894 г. Ида Аалберг и Александр Иксуль-Гильденбанд поженились. Этот брак был воспринят неоднозначно как поклонниками таланта Иды Аалберг в Финляндии, так и светским обществом в Петербурге. Родители барона не одобряли выбор сына. Семья Иксуль фон Гильденбанд принадлежала к древнему эстляндскому и лифляндскому роду. Отец барон Александр Александрович (1840–1912) до 1888 г. служил Псковским губернатором, затем был назначен сенатором, членом Государственного совета, имел чин действительного тайного советника, в 1891 г. являлся президентом евангелистско-лютеранской консистории. Он был обладателем высших российских наград, известной фигурой в плеяде российских политиков. Мать Лина Осиповна Адельсон не приняла невестку. Она была недовольна тем, что избранница ее сына старше его на шесть лет, к тому же простого происхождения, к тому же финка и вдова. Тем не менее актриса вела себя достойно и вполне вписывалась в самое притязательное общество. Подруги свекрови, пообщавшись с Идой Аалберг и тайно проэкзаменовав ее, вынесли вердикт, что манеры, воспитание и образование актрисы достойны всяких похвал и от выпускницы Смольного института ее отличает разве что... не очень хорошее французское произношение⁶.

Став женой барона Иксуля-Гильденбанда, Ида Аалберг создала свою труппу и переселилась в Петербург на постоянное жительство. Гастрольные поездки надолго прервала болезнь актрисы, однако в начале XX в. Ида Аалберг возобновила сценическую деятельность. В 1902 г. спектакли с ее участием проходили в помещении Петербургского театра на Офицерской ул. (ныне ул. Декабристов), д. 35. До 1900 г. это был Зимний театр, затем его приобрела Е.А. Шабельская, переименовав в Петербургский театр. В великопостные и летние сезоны она сдавала помещение иностранным труппам. Спектакли по пьесам Генрика Ибсена «Дочь моря» и «Кукольный дом» с Идой Аалберг в главных ролях шли на финском языке, их очень тепло принимала многочисленная финская диаспора российской столицы.

«В Петербург Аалберг привозила “Кукольный дом” трижды — в 1882, 1894 и 1902 г., и каждый раз роль Норы представляла в новом свете, отражая нечто существенное не только в тогдашнем этапе развития самой актрисы, но и в отношении России к Ибсену, характерном именно для той поры. Аалберг предложила свое решение проблемы, занимающей театральных деятелей: как передать на сцене философское содержание творчества Ибсена и его особый, не укладывающийся в привычные рамки реализм. Норвежский драматург играл важную роль в литературном развитии России, и каждая постановка его пьес была событием», — отметила в статье, посвященной русско-финским театральным связям финский искусствовед Лийса Бюклинг⁷.

Второй муж Иды Аалберг барон Александр Иксуль-Гильденбанд увлекся театром, и все годы супружеской жизни он, как мог, помогал супруге в ее деле, хоть вкусы их порой сильно различались. В круг знакомств семьи входили известные российские деятели, писатели, актеры. Возможно, именно в эти годы и произошло знакомство актрисы с художницей Варварой Петровной Шнейдер.

В рукописном фонде Пушкинского Дома хранится несколько записок Иды Аалберг, адресованных художнице⁸. В жизни вне театра Ида Аалберг была не очень общительной, почти затворницей. «Лето провела в полном одиночестве, никого не видела», — пишет она в одной из записок. И в другой: «Всю зиму вас не видела. Я еще не совсем здорова, но уже выхожу из дома»⁹. Ида Аалберг, баронесса Иксуль-Гильденбанд, вместе с мужем была вынуждена посещать светские мероприятия, но оба они делали это неохотно, только если была необходимость. Актрисе были не интересны сплетни, кокетство, разговоры о детях, модах и кулинарных рецептах. Будучи начитанной, умной, серьезной, она больше интересовалась литературой, искусством, политикой, т.е. темами, считавшимися прерогативой мужчин. Поэтому в богемной петербургской среде, которая хорошо ее знала и помнила, она чувствовала себя более своей, чем в высшем обществе. По своему характеру и судьбе финская актриса и петербургская художница были чем-то похожи — почти ровесницы, обе бездетны, талантливы, образованы, трудолюбивы, независимы. Они обе привыкли зарабатывать на жизнь своим трудом и талантом и знали, как тяжело достается признание. Все автографы Иды Аалберг, хранящиеся в архиве сестер Шнейдер в ИРЛИ, написаны на немецком языке и начинаются обращением «дорогая, уважаемая». Из содержания записок видно, что Ида Аалберг испытывала к В.П. Шнейдер самые дружеские чувства, называя ее «большим другом»¹⁰.

Судя по тому, как бережно хранила художница эти несколько листочков, она относилась к знаменитой актрисе с большим почтением и любовью.

Варвара Петровна Шнейдер (1860–1941) рано потеряла мать, затем отца и мачеху. Вместе с младшей сестрой Александрой она осталась на попечении дяди по матери Ивана Павловича Минаева, востоковеда, профессора Петербургского университета. Она закончила естественное и математическое отделения Педагогических курсов, а затем школу Общества поощрения художеств, которая готовила художников-декораторов для промышленных предприятий и учителей художественных школ. Эта профессия впоследствии, после смерти И.П. Минаева в 1890 г., обеспечила сестрам возможность самостоятельного существования и самореализации. В.П. Шнейдер оформляла домашние интерьеры, общественные мероприятия, выставки, исполняла небольшие графические заказы для издательств — афиши, программки, обложки и т.п., также проектировала и расписывала иконостасы, архитектурные детали храмов. В начале XX в. В.П. Шнейдер была уже уверенным, сложившимся мастером. В 1903 г. ей был заказан проект «триумфальной» арки для въезда императора на празднование церковного прославления св. Серафима Саровского. Саровские торжества проводились на границе Нижегородской и Тамбовской губерний, В.П. Шнейдер оставила интересные описания этого события, его участников, окружения, местности¹¹.

В 1909 г. В.П. Шнейдер вошла в строительный комитет Буддийского храма в Петербурге. Заседания часто проходили в ее квартире в Коломне, на ул. Малой Мастерской, 3¹². Здесь многие годы сестры Шнейдер собирали друзей «на вторники». Завсегдатаями салона были Ф.Д. Батюшков, Н.К. Рерих, В.В. Стасов, Л.М. Бем. Художницы были знакомы со многими писателями, художниками, общественными деятелями своего времени, в том числе с баронессой Варварой Ивановной Иксуль-Гильдебанд (1852–1928) — дочерью генерала Ивана Сергеевича Лутковского, вдовой барона Карла Петровича Иксуля-Гильдебанда (1818–1894). За портрет кисти Ильи Репина, изобразившего В.И. Иксуль-Гильдебанд в полный рост, в красной блузе (находится в Третьяковской галерее), ее прозвали «Красной баронессой». Она имела независимый и деятельный характер, много занималась благотворительностью, издавала книги для народа, обучала девушек из крестьян основам медицины, руководила Комитетом общества сестер милосердия им. Кауфмана и лазаретом.

В 1904 г. сестры Шнейдер обустраивали церковь св. равноапостольной Марии Магдалины на втором этаже лазарета Кауфмановской общины сестер милосердия (наб. р. Фонтанки, 148). «А.П. делала архитектурную часть, а

я образа», — пояснила В.П. Шнейдер в одном из писем к В.И. Иксуль-Гильдебанд¹³. Церковь освятили 5 апреля 1905 г. По поручению императрицы Марии Федоровны В.И. Иксуль-Гильдебанд послала сестрам Шнейдер значки и медали Общества Красного Креста¹⁴. В свой салон на Кировной улице, д. 18 баронесса Иксуль-Гильдебандт приглашала самых прогрессивно мыслящих современников, ее привлекали талантливые и неординарные люди. Скорее всего, Ида Аалберг, также баронесса Иксуль-Гильденбанд, была в их числе. Так что актриса и художница вполне могли познакомиться при ее участии.

Тексты записок в основном касаются приглашений на неформальные дружеские вечера, домашние обеды, договоренностей о встречах. Несмотря на отсутствие дат, содержание не оставляет сомнений в том, когда они были написаны, — большинство их можно смело отнести к 1905 г. и к началу 1906-го. На некоторых автографах, а также на визитной карточке Иды Аалберг, баронессы Иксуль-Гилленбанд, на обороте которой актриса написала поздравление с Пасхой¹⁵, указан обратный адрес: Озерной пер., 12. Этот переулок в Петербурге проходит от улицы Восстания до Лиговского проспекта — между улицами Жуковского и Некрасова. Трехэтажный каменный дом, построенный в 1874 г. по проекту инженера В.М. Некора для купчихи Пелагеи Коноваловой, существует до сих пор. С 1885 г. дом несколько раз перепродавался, а в конце 1903 г. его приобрел барон Александр Феликсович Мейендорф (1869–1964, Лондон), один из основателей и лидеров «Союза 17 октября», член 3-й и 4-й Государственной думы, приват-доцент на кафедре прибалтийского права Санкт-Петербургского университета. В 1905 г. владелец проживал в этом доме вместе с первой женой, баронессой Ниной Александровной Мейендорф (урожденная княжна Цулукидзе, 1863–1906), активисткой Крестового благотворительного общества. В этом же доме проживал и помощник статсекретаря Государственного совета барон Александр Александрович Иксуль-Гильденбанд с женой Идой Андреевной¹⁶. Не исключено, что эти семьи состояли в родстве, являясь представителями двух ветвей одного древнего дворянского рода Иксулей¹⁷.

В одной из записок Ида Аалберг спрашивает В.П. Шнейдер, не хочет ли она познакомиться с С.К. Маковским, который завтра вечером будет у них дома презентовать свою книгу о Талашкине¹⁸. Сергей Константинович Маковский (1877–1962), сын известного художника и одного из самых увлеченных собирателей предметов русской старины Константина Егоровича Маковского, поэт, искусствовед, журналист, был дружен с художницей и коллекционером Марией Клавдиевной Тенишевой (1858–1928).

На рубеже XIX–XX вв. многие ученые, художники, дипломаты и путешественники занимались коллекционированием этнографических предметов. Этот интерес был закономерен. Отмена крепостного права привела к утрате школ рукоделия, существовавших ранее в «девичьих» и в монастырских мастерских. Стремительная индустриализация вытесняла народные ремесла, утрачивались навыки изготовления традиционных предметов быта, еще недавно обычные вещи на глазах исчезали из обихода и становились редкостью. Все это не могло не беспокоить российскую интеллигенцию¹⁹. В.П. Шнейдер собирала коллекции для этнографического отдела Русского музея императора Александра III и для своей будущей школы народного искусства, о которой мечтала (школа открылась в 1911 г.). Свои находки она сопровождала важными описаниями. Как и М.К. Тенишева, с которой она состояла в переписке многие годы, она считала необходимым не только сохранение предметов народной старины, но и развитие прикладных ремесел, обучение молодежи различным техникам рукоделия. М.К. Тенишева осуществила подобный проект раньше: в имении Талашкино Смоленской губернии, приобретенном для нее мужем, крупным промышленником, основателем Тенишевского реального училища в Петербурге князем Вячеславом Николаевичем Тенишевым, она организовала художественно-промышленные мастерские, где работники под руководством опытных наставников обучались различным народным промыслам. С.К. Маковский в 1905 г. издал книгу «Талашкино: изделия мастерских кн. М. Кл. Тенишевой»²⁰. Скорее всего, о презентации именно этой книги идет речь в записке Иды Аалберг. В этой же записке она пишет о том, что очень занята на репетициях «Женщины с моря» (вероятно, имеется в виду пьеса Ибсена).

В 1904–1905 гг. состоялось большое турне Иды Аалберг с немецко-язычной труппой. Театр гастролировал в Риге, Москве и Петербурге. Об огромном успехе этих гастролей говорят многочисленные публикации того времени. В Петербурге театральная афиша очень ярко — крупным шрифтом с нестандартным расположением на полосе (во всю ширину газетного листа, перевернутого в альбомный формат) — оповещала, что в помещении Театра комедии (Моховая, 33) состоятся гастроли на немецком языке «знаменитой финской артистки Иды Аалберг с ее труппой из Вены»²¹. Тенишевский театральный зал, открытый в 1904 г. в здании Тенишевского реального училища (ныне здание учебного театра Академии театрального искусства), сдавался вначале Л.Б. Яворской для антрепризы, названной ею «Театр Комедия». Судя по отзывам в прессе, дело Л.Б. Явор-

ской «маленькое, но симпатичное», просуществовало недолго. Театр был камерный, развлекательный, талантливый, без пошлого фарса. «Равнодушная петербургская публика — виновница в смерти этого ребенка», — писал корреспондент²².

Афиши возвещали, что Ида Аалберг выступит на сцене Театра комедии в роли Магды в пьесе Германа Зудермана «Родина» 20 января и 9 февраля, в роли Ребекки в драме Генрика Ибсена «Росмерсхольм» 24 января и 3 февраля. Также по два спектакля она даст в роли Маргариты в пьесе Александра Дюма (сына) «Дама с камелиями», Гедды Габлер в одноименной пьесе Генрика Ибсена и один в роли Терезы в пьесе Эмиля Золя «Тереза Рокен». Магда Зудерман считалась коронной ролью Иды Аалберг. «Росмерсхольм» Ибсена представляли в Петербурге впервые. Уже накануне первых спектаклей сообщалось, что все билеты проданы.

Несмотря на то что гастроли проходили на немецком языке, успех они имели колоссальный. Кроме светской знати и обычных представителей немецкой диаспоры Петербурга спектакли посетили студенты, журналисты, русские артисты — все они хотели увидеть, что это за явление — Ида Аалберг. Отзывы о спектаклях были порой противоречивы. «Общая участь гастрольных спектаклей — слабый антураж... Режиссеру следовало бы обратить должное внимание на общий ансамбль исполнения», — писала газета «Русь»²³. «Она не нуждается ни в какой особенной рамке, или уж если нуждается, так в самой простой — вот вроде тех, в которые одно время художники-реалисты отделявали свои жанры. Труппа — немецкая труппа, окружающая Иду Аалберг, именно такая рамка. Но прекрасный реальный жанр от этого не страдает. Портрет героини, нарисованный артисткой, стоит перед вами, и никто, кроме нее, не привлекает вашего внимания», — как будто возражает корреспонденту «Руси» театральный критик Ю.Д. Беляев в своей статье, посвященной финской актрисе²⁴. В той же статье он пишет: «Финская артистка не кокетничает с публикой, подобно прославленным европейским гастролерам. Она показывает жизнь героинь такой, какова она есть, без сложных затей, без красивой лжи, честно и откровенно. Я люблю такие простые выражения на сцене, как люблю и простые слова в литературе. Это, конечно, труднее самой утонченной замысловатости. Но в простой форме всегда заключено вдохновение, неизвестное выдумщикам. Игра Иды Аалберг отличается простотой поразительной. Кто любит чистые откровенные формы чувства, тот получит полное удовлетворение после ее спектаклей. Удовольствие, испытываемое от искусства, не развлекается здесь ничем. Ида Аалберг уже не молода, не хороша собой, даже не

изящна, но бывают моменты, когда самая ранняя молодость не угонится за ней по свежести впечатления, когда облик ее сияет одухотворенной красотой и изящество душевного движения покрывает всю ее словно мягкой драгоценной тканью²⁵.

Ю.Д. Беляев тоже критикует актрису за резкие сцены, делая, однако, больший акцент на достоинствах ее игры, чем на недостатках. Другие критики высказываются более резко: «В театре среди публики было много петербургских артистов, один из них заметил, что Иде Аалберг — играть трагедию. Там были бы более на своем месте ее позы, взгляды, паузы, резкие переходы от крика к еле слышному шепоту. Г-жа Ида Аалберг даже в этой мелодраме («Тереза Рокен». — *Т.Я.*) взяла возвышенный тон <...> И в других пьесах своего репертуара г-жа Аалберг изображает какие-то неземные существа, женщин-демонов. Впечатление от игры этой талантливой артистки очень выиграло бы в правдоподобии, и в художественности, и в нравственном воздействии на зрителя, если бы она играла более по-земному», — писал о ее игре Александр Гайар²⁶. Но и он вынужден был признать: «Подводя итог гастролям г-жи Иды Аалберг следует отметить, что ее игра была прекрасна, безупречна, естественна и истинно трогательна в 5-м акте “Дамы с камелиями”»²⁷.

Несмотря на то что актрису критиковали за неудачные сцены, несомненно, она имела огромный успех у публики. Показательна история знакомства актрисы с Натальей Радловой, впоследствии ставшей ее ученицей. Неподалеку от Тенишевского зала, где проходили гастрольные спектакли Иды Аалберг, в доме № 27 по Моховой ул. в начале XX в. располагалась гимназия Л.С. Таганцевой — частное привилегированное учебное заведение для девочек. Обучение стоило недешево, но было серьезным, качественным и востребованным. В школе был отличный преподавательский состав по всем дисциплинам. Выпускницы гимназии после семилетнего обучения (восьмой класс был организован по университетской системе и не являлся обязательным) отлично владели французским, немецким и английским языками. В свободное время, которого было немного, гимназистки-старшеклассницы ездили на экскурсии, посещали театр, оперу, выставки, балы, развлекались в кондитерских, а зимой на катке²⁸. Наталья Радлова, дочь историка философии и филолога Эрнеста Леопольдовича Радлова, долгое время работавшего в публичной библиотеке, тоже училась в этой гимназии. Впервые Н.Э. Радлова увидела Иду Аалберг в роли Гедды Габлер. Спектакль ее разочаровал, а героиня показалась уставшей скучной женщиной и наводила тоску. Сейчас невозможно сказать, какова в действительности была трактовка роли, возможно, такое мнение было следствием

незрелого восприятия 17-летней девушки. В пьесе Ибсена Гедда Габлер испытывает скуку, но сама-то она отнюдь не скучная, в ней кипит страсть и жаждет выхода. Но другой спектакль, «Росмерсхольм», произвел на девушку такое неизгладимое впечатление, что она долго не могла успокоиться, а на следующий день в гимназии воодушевленно рассказывала одноклассницам о гениальной игре финской актрисы. Варвара Петровна Шнейдер в эти годы подрабатывала в гимназии Л.С. Таганцевой учительницей рисования, преподавала орнамент. Случайно услышав восторженные отзывы ученицы, В.П. Шнейдер сказала, что хорошо знает Иду Аалберг и может познакомить с ней. Н.Э. Радлова была рада этой возможности, и вскоре знакомство состоялось. Через некоторое время девушка присоединилась к труппе Иды Аалберг, приняла участие в гастрольной поездке в Венгрию. Всю жизнь Наталья Эрнестовна Радлова (в замужестве Радлова-Казанская) считала себя ученицей финской актрисы, сама став театральным педагогом. С 1917 г. она руководила студией народного театра в Перми, а с 1920-х годов преподавала в Петрограде, успешно ставила сценическую речь.

Последняя записка Иды Аалберг в адрес В.П. Шнейдер была написана ввиду очень печального обстоятельства. Она сообщила, что вынуждена уехать на похороны Карло Бергбома. 6 (19) января 1906 г. «Финляндская газета» Гельсингфорса (Хельсинки) опубликовала некролог по поводу кончины основателя финской народной сцены²⁹. Всего за три года до этого печального события он принимал поздравления по поводу открытия нового здания театра, который создал вместе с сестрой Эмили. Незадолго до смерти из-за слабости здоровья Карло Бергбом оставил руководство театром. С этого времени начинается новый период в жизни и творческой деятельности Иды Аалберг. Она посвящает себя полностью финскому национальному театру, взяв на себя и общее руководство, и режиссуру, продолжая при этом играть в спектаклях.

Ида Аалберг скончалась в Петрограде в январе 1915 г. после внезапной болезни. Ее похоронили на родине, в Финляндии, где и теперь чтут ее память.

Сорок лет своей жизни Ида Аалберг отдала сцене, актерская и женская судьба связала ее с северной российской столицей. Петербургский период жизни Иды Аалберг ждет своего исследователя. Эта статья — штрих к портрету, который еще предстоит написать.

* * *

¹ Архив АН. Ф. 142. Оп. 1. № 24. Л. 36.

² Сто замечательных финнов. Коллекция биографий: Ида Аалберг. <www.rhga.ru/faculty/fakul_inyaz/kaf_finn/facts/100%20zamechatelnih%20finnov.pdf>.

³ *Беляев Ю.Д.* Статьи о театре / Сост., вступит. ст., комм. Ю.П. Рыбаковой. СПб.: Гиперион, 2003. 432 с. (Русская художественная летопись. II).

⁴ Финский театр в Петербурге // Все о Финляндии. <<http://finland.ice-nut.ru/finland07501.htm>>.

⁵ *Pitva Heikkila.* Ida Aalberg. Nayttelija jumalan armosta // WSO. 1998. P. 346.

⁶ Ibid. P. 361.

⁷ *Бюклинг Л.* Русско-финские театральные связи на рубеже XIX–XX веков // «Русская культура в финском контексте»: Мат-лы семинара. 10 марта 2004 г., Институт Ренвалла, Хельсинкский университет (при участии журнала «LiteraruS-Литературное слово»). Ч. II. <<http://www.literarus.org/arkiv/rus2005/rus7a.php>>.

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 340. Оп. 4. № 20.

⁹ Там же. Л. 2, 4.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ *Шнейдер В.П.* Саровские торжества. Июль 1903 года // Наше Наследие. 2007. № 83/84. С. 73–83.

¹² *Андреев А.И.* Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992. С. 15.

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 340. Оп. 4. № 20. Л. 19а.

¹⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 340. Оп. 1. № 68.

¹⁷ Весь Петербург. 1905. Ч. III. С. 262, 412.

¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 340. Оп. 4. № 20. Л. 1.

¹⁹ Иксьюли: словари и энциклопедии на академике. <<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1798662>>.

²⁰ *Яковлева Т.М.* Кружок любителей этнографии, ревнителей Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого // Научные исследования и музейные проекты. Радловские чтения 2010 г. СПб., 2011. С. 265–274.

²¹ *Маковский С.К.* Талашкино: изделия мастерских кн. М.Кл. Тенишевой. СПб., 1905.

²² Афиша императорских Петербургских театров. Январь 1905 г. № 5–12.

²³ Русь. 4 (17) января 1905 г. № 4.

²⁴ *Беляев Ю.Д.* Статьи о театре. С. 262.

²⁵ Там же. С. 263.

²⁶ Русь. 22 января (4 февраля) 1905 г. № 15.

²⁷ Русь. 9 (22) февраля 1905 г. № 33.

²⁸ Ирина Еленевская. Воспоминания. <http://www.sweden4rus.nu/lib/o_shvecii/text/irina_elenevskaia/vospominanija_chast_i>.

²⁹ Финляндская газета. 6 (19) января 1906 г.